

СТУРЫ

Мастерская режиссуры

2003-20 мая - с. 4

Это только экзальтированные барышни станут закатывать глазки: "Ах, на сцене только мужчины!.." Для знающих людей это не новость: у Шекспира в театре "Глобус" женщин к зданию на пушечный выстрел не подпускали. Разве что только в качестве зрителей. К тому же мода на мужские составы в женских ролях — волнами: то прилив, то отлив. Тот же Доннеллан 9 лет назад привозил в Москву великолепную комедию "Как вам это понравится" в чисто мужском варианте. Так что не раз плавал в эту сторону, знает, как это с мужчинами бывает.

На сей раз "Ночь" у англичанина приобрела черты курортности — в сценнографии и особенно в костюмах. Ясное дело, что средиземноморская тематика навевала художнику **Нику ОРМЕРОДУ** белые полотняные костюмы и фетровые шляпы по моде до- и послевоенного времени. Кстати, стиль милитари — френчи, кители бело-черной гаммы... — снижает легкомысленный налет курортности, очевидно, подчеркивая, что любовью не шутят. Впрочем, это у Мюссе. А у Шекспира — сплошное дуракаваляние на эту тему.

В первой же мизансцене группа мужчин, как отряд бойскаутов (черный низ, белый верх с черными подтяжками), на глазах у публики несет потери. Трое объявляют себя дамами, спускаются в зал, откуда возвращаются прехорошенькими и в длинных платьях цвета беж. Никакого жеманства и ломкого кокетства а-ля Виктюк, голоса — драматические теноры без попыток изменения их в сторону даже самого низкого женского голоса — контральто. У каждого из мужчин свое женское амплуа: камеристка Мария (**Илья Ильин**) — субретка, Виола (**Андрей Кузичев**) — голубая героиня, Оливия (**Алексей Дадонов**) — дама-вамп. Похоже, им весьма удобно в женской оболочке.

Что же говорить о мужчинах в их собственном естестве! Самая яркая — группа заговорщиков во главе с сэром Тоби (**Александр Феклистов**). Его подручные — шут (**Игорь Ясулович**) и сэр Эгюйчик (**Дмитрий Дюжев**) — развлекаются и развлекают публику своими пьяными дебошами. Один, особенно эффектный, — в финале первого акта: все начинается с невинной английской баллады про "молодые деньки", а заканчивается советской "Кольмой". Последняя ревется низкими мужскими голосами, куда вмонтирован куплет о русских журавлях от камеристки, которая в экстазе танцует на столе, кокетливо задирая платье.

Надо сказать, что именно музыкальное оформление спектакля, которое сделал **Владимир Панков**, придало "Двенадцатой ночи" атмосферу пряности, веселья и глумливости. В финале на авансцену даже, нарочито грубо, режиссер вынес двойной мужской поцелуй: Виола — граф Орсино и Себастьян — Оливия. Ну, мужской, ну, поцелуй — делов-то! Но именно в этот момент происходит удивительное: публика заходится от удовольствия настолько, что, кажется, целующиеся на сцене мужчины (ясное дело, что это фальш-поцелуй) смущаются столь продвинутой реакции зрителей. Это значит, что тест на органику, коим давно стал Шекспир, команда "Двенадцатой ночи" прошла успешно.

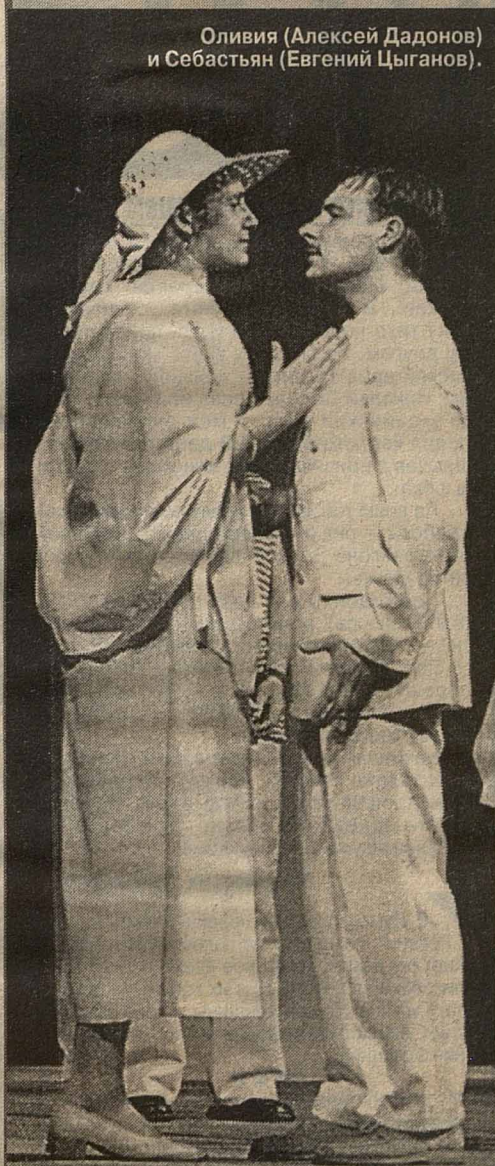
Марина РАЙКИНА.

Двенадцатая ночь: КУРОРТНЫЙ ВАРИАНТ

МУЖСКИЕ ПОЦЕЛУИ
ПРИВЕТСТВУЮТСЯ И
ПООЩРЯЮТСЯ.

Что и можно было наблюдать на первой премьере Чеховского фестиваля. Ее ждали, потому что и пьеса, и авторы спектакля, и тем более актерский состав — многообещающие. Знаменитую шекспировскую комедию "Двенадцатая ночь" выпустил англичанин Деклан Доннеллан вместе с русским составом. Причем сугубо мужским.

Оливия (Алексей Дадонов)
и Себастьян (Евгений Цыганов).

МАКСИМ ГИТЕРИЧ